

1001 ночь.

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне ШаррКане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 45-50](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 51-56](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 57-62](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 63-68](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 69-74](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 75-80](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 81-86](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 87-92](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 93-98](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 99-107](#)

Семьдесят пятая ночь

Когда же настала семьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхат-аз-Заман, услышав слова юноши, воскликнула: "Аллах да сведет его с теми, кого он любит!" А потом она сказала евноху: "Скажи ему, что я хочу послушать рассказ о его разлуке с близкими и родиной".

И евнох сказал юноше то, что велела ему госпожа. И Дау-аль-Макан принялся вздыхать и произнес такие стихи:

"Поистине, к ней любовь – подруга всех любящих.

Почту я тот дом, где Хипд жилище нашла себе.

Любовь к ней – любви иной не знает весь род людской,

И "прежде" у нее нет, и нет у нее "потом".

И кажется прах долин мне мускусом с амброю,

Когда пробежит по нем красавицы Хипд нога.

Примет мой возлюбленной на холмике в таборе,

Великой во племени – вокруг все рабы ее.

О други, ведь лучше нет под вечер стоянки нам.

Постоите! Вот ивы ветвь, вот веха забытая.

Спросите же сердце вы мое: ведь поистине

Со страстью дружит оно, нельзя отклонить ее.

Усладу времени, Аллах, вспои облаков дождем,

И вечно пусть в толще их раскатистый гром громит".

Когда же он окончил свои стихи и Нузхат-аз-Заман услышала его, она приподняла край занавеса носилок и посмотрела на юношу. И когда ее взор упал на его лицо, она угнала его и, убедившись, что это он, вскрикнула: "О брат мой, о Дау-аль-Макан!" И он тоже посмотрел на нее и узнал ее и закричал: "О сестрица, о Нузхат-аз-Заман!" И Нузхат-аз-Заман бросилась к нему, и он принял ее в объятия, и оба упали без чувств. И когда евнох увидел их в таком состоянии, он удивился и накинул на них что-то, чтобы прикрыть их. Он подождал, пока они пришли в себя, и когда оба очнулись от забытья, Нузхат-аз-Заман очень обрадовалась и ее заботы и горести прошли. И радости сменяли в ней одна другую, и она произнесла такие стихи:

"Дал клятву рок, что смущать мне жизнь вечно будет он"

Ты нарушила свой обет, судьба, искупи же грех!

Наступило счастье, любимый мой помогает мне!

Поднимайся же на зов радости, подбери подол!

Не считал я раем кудрей его лишь до той поры,

Пока с алых губ не напился я воды Каусара".

Услышав это, Дау-аль-Макан прижал сестру к груди, и от чрезмерной радости из глаз его полились слезы, и он произнес такие стихи:

"Мы оба равны в любви, но только она порой

Терпеть может с твердостью, во мне же нет твердости.

Она опасается угрозы завистников,

А я без ума тогда, когда угрожают мне".

И они посидели немного у входа в носилки, а потом Нузхат-аз-Заман сказала: "Войдем внутрь носилок. Расскажи мне, что произошло с тобою, а я расскажу тебе, что было со мной".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда они вошли, Дау-аль-Макан сказал: "Расскажи сначала ты!" И Нузхат-аз-Заман поведала ему обо всем, что было с нею с тех пор, как она покинула его в хане, и что произошло у нее с бедуином и купцом: как купец купил ее у бедуина и отвел ее к брату Шарр-Кану и продал ее ему. И Шарр-Кан освободил ее, после того как купил, и, написав свою брачную запись с нею, вошел к ней. И как царь, ее отец, прослышал о ней и прислал к Шарр-Кану, требуя ее. И затем она воскликнула: "Слава Аллаху, пославшему тебя ко мне! Мы как вышли от нашего отца вместе, так и вернемся вместе!"

Потом она сказала ему: "Мой брат Шарр-Кан выдал меня замуж за этого царедворца, чтобы он меня доставил к моему отцу. Вот что выпало мне с начала и до конца. Расскажи же мне ты, что случилось с тобою после того, как я ушла от тебя".

И Дау-аль-Макан рассказал ей все, что с ним произошло, от начала до конца: как Аллах послал ему истопника и как тот поехал вместе с ним и тратил на него свои деньги. И рассказал, как истопник служил ему ночью и днем, и Нузхат-аз-Заман поблагодарила истопника за это. "О сестрица, сказал потом Дау-аль-Макан, – этот истопник совершил для меня такие дела, которых никто не делает для возлюбленных и отец не делает для сына. Он сам голодал, а кормил меня, и шел пешком, а меня сажал. И то, что я живу, – дело его рук". – "Если захочет Аллах великий, мы воздадим ему за это, чем можем", – отвечала Нузхатаз-Заман.

Потом она кликнула евнуха, и тот явился и поцеловал Дау-аль-Макану руку, и Нузхат-аз-Заман сказала ему: "Возьми подарок за добрую весть, о благой лицом, так как моя встреча с братом случилась благодаря тебе. Кошель, который у тебя, и то, что в нем, – твое. Иди и приведи ко мне скорее твоего господина!" И евнух обрадовался и, отправившись к царедворцу, вошел к нему и позвал его к своей госпоже. И когда он привел его, царедворец пошел к своей жене, Нузхат-аз-Заман, и нашел у нее ее брата и спросил о нем. И Нузхат-аз-Заман рассказала ему, от начала до конца, что случилось с ними, и добавила: "Знай, о царедворце, что ты взял не невольницу – ты взял дочь царя Омара ибн ан-Нумана. Я Нузхат-аз-Заман, а это мой брат, Дау-аль-Макан".

И когда царедворец услышал от нее эту повесть и уверился в истинности ее слов и явная правда сделалась ему ясна, он убедился, что стал зятем царя Омара ибн ан-Нумана, и произнес про себя: "Мне судьба получить наместничество какой-нибудь страны!"

Потом он приблизился к Дау-аль-Макану и поздравил его с благополучием и со встречею с сестрой, а затем тотчас же приказал своим слугам приготовить Дау-аль-Макану шатер и коня из лучших коней. И сестра юноши сказала ему: "Мы приблизились к нашей стране, и я останусь наедине с братом, чтобы нам вместе отдохнуть и насытиться друг другом, пока мы не достигли нашей земли; ведь мы уже долгое время в разлуке". – "Будет так, как вы хотите", – отвечал царедворец и послал им свечей и всяких сладостей и вышел от них. А Дау-аль-Макану он прислал три платья из роскошнейших одежд. И он шел пешком, пока не пришел к носилкам (а он знал свой сан), и Нузхат-аз-Заман сказала ему: "Пошли за евнухом и вели ему привести истопника. И пусть он приготовит ему коня, чтобы ехать, и назначит ему трапезу, утром и вечером, и велит ему не расставаться с нами". И царедворец послал за евнухом и приказал ему это сделать, и евнух отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" И затем он взял своих молодцов и ходил, ища истопника, пока не нашел его в конце лагеря (а он седлал осла, чтобы убежать), и слезы текли по его щекам от страха и от печали из-за разлуки с Дау-аль-Маканом, и он говорил: "Я предупреждал его, ради Аллаха, по он меня не послушал. Посмотри-ка! Каково-то ему!" И он не закончил еще своих слов, как евнух уже стоял у его головы, а слуги окружили его, и когда истопник заметил, что евнух стоит возле его головы и увидел кругом его молодцов, лицо его пожелтело, и он испугался..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят шестая ночь

Когда же настала семьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что истопник хотел оседлать осла и убежать, и стал говорить сам с собою и сказал: "Посмотрика! Каково-то ему..." И он не закончил еще своих слов, как евнух уже стоял возле его головы, а кругом были его молодцы. И истопник обернулся, и когда он увидел евнуха возле себя, у него задрожали поджилки, и он испугался и сказал, возвысив голос: "Не знал он, как велико то благо, которое я ему сделал! Я думаю, что он указал на меня евнуху и этим слугам и сделал меня сообщником в грехе!" По евнух вдруг закричал на него и сказал: "Кто это говорил стихи! О лжец, как это ты говоришь мне: "Я не говорил стихов и не знаю, кто их говорил", а это твой товарищ говорил их. Я не покину тебя отсюда и до Багдада, и то, что случилось с твоим товарищем, случится и с тобой!"

Услышав слова евнуха, истопник воскликнул: "То, чего я боялся, случилось!" И произнес такой стих:

"Чего опасался я – случилось!

Мы все возвращаемся к Аллаху!"

Потом евнух крикнул слугам: "Спустите его с осла!" А истопника сняли с осла и привели его коня, и он сел и поехал вместе с караваном, и слуги кольцом окружили его, и евнух сказал им: "Если у него пропадет единый голосок, это будет ценою жизни одного из вас!" И потихоньку он добавил: "Оказывайте ему почет и не унижайте его!"

А истопник, видя кругом себя этих молодцов, отчаялся в жизни и, обернувшись к евнуху, сказал: "О начальник, я ему не брат и не близкий! Этот юноша не мой родственник – я только истопник в бане и нашел его брошенные на навозной куче и больным!"

И караван шел, а истопник плакал и строил насчет тебя тысячу предположений, и евнух шел с ним рядом и не о чем не сообщал ему, а только говорил: "Ты встревожил нашу госпожу, говоря стихи вместе с этим юношей, во не бойся за себя!" И он исподтишка подсмеивался над истопником. А когда делали привал, им приносили еду, и он ел с истопником из одной посуды. А после трапезы евнух приказывал слугам принести кувшин с сахарным питьем и отпивал из него, а потом он давал истопнику, и гот тоже отпивал. Но у него не высыхала слеза, так он боялся за себя и печалился о разлуке с Дау-аль-Маканом и о том, что случилось с ними на чужбине.

И они ехали. А царедворец то был у входа в носилки, чтобы услужить Дау-аль-Макану, сыну царя Омара ибн ан-Нумана, и его сестре Нузхат-аз-Заман, то поглядывал на истопника, пока Нузхат-аз-Заман

с

братом Дау-аль-Маканом разговаривали и сетовали. И они непрерывно ехали и приблизились к своей стране настолько, что между ними и их землей осталось лишь три дня. И к вечеру они сделали привал и отдохнули и пробыли на привале до тех пор, пока не заблестала заря, и тогда они проснулись и хотели грузиться, как вдруг показалась великая пыль, от которой потемнел воздух, так что стало темно, будто темной ночью. И царедворец закричал: "Подождите, не нагружайте". И, сев на коней вместе со своими слугами, направился к этой пыли. И когда они к ней приблизились, из-за нее показалось влачащееся войско, подобное бурному морю, где были стяги, знамена, и барабаны, и всадники, и витязи. И царедворец удивился этому. И когда в войске увидели их, от него отделился отряд в пятьсот всадников, и они подошли к царедворцу и тем, кто был с ним, и окружили их. И вокруг каждого невольника из невольников царедворца встали пять всадников.

"Что случилось и откуда это войско, которое делает с нами такие дела?" – спросил царедворец. И ему сказали: "Кто ты такой, откуда ты идешь и куда направляешься?" – "Я царедворец эмира Дамаска, царя Шарр-Кана, сына царя Омара ибн ан-Нумана, властителя Багдада и земли Хорсана, иду от него с податями и подарками, направляясь к его отцу в Багдад", – отвечал царедворец. И, услышав его слова, воины отпустили платки на лица и заплакали и сказали: "Царь Омар ибн ан-Нуман умер, и умер не иначе, как отравленным. Иди, с тобою не будет беды, и встреться с его старшим везирем Данданом!"

Услышав эти речи, царедворец горько заплакал и воскликнул: "О разочарование нам от этого путешествия!" И он плакал вместе с теми, кто был с ним, пока они не смешались с войском. И тогда у везира Дандана испросили царедворцу разрешение войти, и тот позволил. И

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

везирь приказал разбить свои шатры и, сев на ложе среди палатки, велел царедворцу сесть. Когда тот сел, он спросил, какова его повесть. И царедворец рассказал ему, что он царедворец эмира Дамаска и привез дары и дамаскую подать. И везирь Дандан заплакал при упоминании об Омаре ибн ан-Нумане. А затем везирь Дандан сказал царедворцу: "Царь Омар ибн ан-Нуман умер отравленным. И после его смерти люди не решили, кому отдать власть после него, и даже стали убивать один другого. Но их удержали вельможи и благородные и четверо судей. Люди сговорились, чтобы никто не прекословил указанию четырех судей, и состоялось соглашение, что мы пойдем в Дамаск и достигнем сына Омара ибн ан-Нумана, царя Шарр-Кана, и приведем его и сделаем султаном в царстве его отца. Но среди них есть множество людей, которые хотят его второго сына. Говорят, что его имя Дауаль-Макан и что у него есть сестра по имени Нузхат-азЗаман. Они отправились в земли аль-Хиджаз. Прошло уже пять лет, как никто не напал на слух о них".

Услышав это, царедворец понял, что случай, происшедший с его женой, истина. Он опечалился великой печалью о смерти султана, но все же он был очень рад, в особенности тому, что прибыл Дау-аль-Макан, так как он будет султаном в Багдаде вместо своего отца..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят седьмая ночь

Когда же настала семьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царедворец Шарр-Кана услышал, что говорил везирь Дандан о царе Омаре ибн ан-Нумане, он опечалился, но все же был рад за свою жену и ее брата Дау-аль-Макана, так как тот будет султаном в Багдаде вместо своего отца.

И царедворец обратился к везиру Дандану и сказал ему: "Поистине, то, что случилось с вами, чудо из чудес. Знай, о великий везирь, тем, что вы встретили меня, Аллах избавил вас от тягот и дело вышло так, как вы желаете, легчайшим способом. Аллах воротил вам Дау-альМакана и его сестру Нузхат-аз-Заман, и все устроилось и облегчилось".

Услышав эти слова, везирь сильно обрадовался и сказал: "О царедворец, расскажи мне их историю! Что произошло с ними и почему они отсутствовали?"

И царедворец рассказал ему историю Нузхат-аз-Заман, которая стала его женой, и поведал, что было с Дау-альМаканом, от начала до конца. Когда он кончил рассказывать, везирь Дандан послал за эмирами, везирями и вельможами царства и сообщил им обо всем. И они очень обрадовались и удивились такому совпадению. А затем они все собрались и, придя к царедворцу, встали перед ним и облобызали землю меж его рук, и с этого времени везирь подходил к царедворцу и вставал перед ним. А потом царедворец собрал большой диван и сел вместо с везирем Данданом на трон, и перед ними были все эмиры, вельможи и обладатели должностей, стоявшие сообразно своим степеням. И после того распустили сахар в розовой воде и выпили. И эмиры сели совещаться и разрешили остальным воинам всем вместе выезжать и ехать понемногу вперед, пока совет закончится и их нагонят. И воины облобызали землю меж рук царедворца и сели на коней, и перед ними были военные знамена. А когда вельможи закончили совещание, они поехали и нагнали войска.

И царедворец приблизился к везиру Дандану и сказал ему: "По-моему, мне следует пойти вперед и опередить вас, чтобы приготовить султану подходящее место и уведомить его, что вы прибыли и избрали его над собою султаном вместо его брата Шарр-Кана". – "Прекрасно решение, которое ты принял!" – отвечал везирь. И царедворец встал, а везирь Дандан поднялся из уважения к нему и предложил ему подарки, заклиная его их принять. Тогда эмиры и обладатели должностей тоже поднесли ему подарки и призвали на него благословение и сказали: "Может быть, ты поговоришь о нашем деле с султаном Дауаль-Маканом, чтобы он оставил нас пребывать в наших должностях?" И царедворец согласился на то, о чем его просили. А затем он велел своим слугам отправляться, и везирь Дандан послал шатры вместе с царедворцем и приказал постельничим поставить их за городом, на расстоянии одного дня. И они исполнили его приказание. И царедворец сел на коня, до крайности обрадованный, и говорил про себя: "Сколь благословенно это путешествие!" И его жена стала великой в его глазах, и Дау-аль-Макан также. И он поспешал в путь и достиг места, отстоящего от города на один день, и там он велел сделать привал, чтобы отдохнуть и приготовить место, где бы мог сидеть султан Дау-аль-Макан, сын царя Омара ибн ан-Нумана.

А сам он расположился поодаль, вместе со своими невольниками, и приказал слугам испросить для него у госпожи Нузхат-аз-Заман разрешения войти к ней. И когда ее спросили об этом, она разрешила. Тогда царедворец вошел к ней и свиделся с нею и ее братом. Он рассказал им о смерти их отца и о том, что главари государства назначили Дау-аль-Макана над собою царем вместо его отца, Омара ибн ан-Нумана, и поздравил его с царской властью. И брат с сестрой заплакали об утрате отца и спросили, почему он был убит. "Сведения у везиры Дандана, – отвечал царедворец, завтра он со всем войском будет здесь. А тебе, о царь, остается только поступать так, как тебе указали, ибо они все выбрали тебя султаном, и если ты этого не сделаешь, они поставят султаном другого, и ты не будешь в безопасности от того, кто станет вместо тебя султаном. Может быть, он тебя убьет, или между вами возникнет распря, и власть уйдет из ваших рук".

И Дау-аль-Макан на некоторое время потупил голову и затем сказал: "Я согласен, так как от этого дела нельзя быть в стороне". Он убедился, что царедворец говорил правильно, и сказал ему: "О дядюшка, а как мне поступить с моим братом Шарр-Каном?" – "О дитя мое, – отвечал царедворец, твой брат будет султаном Дамаска, а ты султаном Багдада. Укрепи же мою решимость и приготовься". И Дау-аль-Макан принял его совет.

А затем царедворец принес ему платье из одежд царей, которое привез везирь Дандан, подал ему кортик и вышел от него. Он приказал постельничим выбрать высокое место и поставить там большую просторную палатку для султана, чтобы он там сидел, когда явятся к нему эмиры. И велел поварам приготовить роскошные кушанья и подать их, а водоносам он приказал расставить сосуды с водой.

А через час полетела пыль и застлала края неба, а потом эта пыль рассеялась и за нею показалось влачащееся войско, подобное бурному морю..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят восьмая ночь

Когда же настала семьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царедворец приказал постельничим разбить просторную палатку, чтобы люди могли собраться у царя. И они разбили большую палатку, как обычно делают для царей. И когда они кончили работать, вдруг налетела пыль и воздух развеял ее, и за нею показалось влачащееся войско. И стало ясно, что это войско Багдада и Хорасана, и во главе его везирь Дандан, и все они радуются, что Дауаль-Макан стал султаном. А Дау-аль-Макан был одет в царские одежды и опоясан мечом торжеств, и царедворец подвел ему коня, и он сел со своими невольниками, и все, кто был в шатрах, шествовали перед ним.

И он вошел в большую палатку и, сев, приложил кортик к бедру, и царедворец почтительно стоял перед ним, и невольники встали у прохода, ведшего в шатер, с обнаженными мечами в руках. А потом приблизились войска, и солдаты попросили разрешения войти. И когда царедворец испросил для них разрешение у султана Дау-аль-Макана, тот позволил и велел им входить десятком за десятком. Царедворец сообщил войскам об этом, и они отвечали вниманием и повиновением и встали все в проходе, а десять из них вошли. И царедворец прошел с ними и ввел их к султану Дау-аль-Макану. И, увидав его, они почувствовали страх и почтение, но Дау-аль-Макан встретил их наилучшим образом и обещал им всякое благо.

И они поздравили его с благополучием, призывая на него благословение, и дали ему верные клятвы, что не ослушаются его приказа. А затем они облобызали перед ним землю и удалились, и вошел другой десяток воинов, и султан поступил с ними так же, как с первыми.

И они непрестанно входили, десятком за десятком, пока остался только везирь Дандан, и, войдя, он облобызал землю меж рук Дау-аль-Макана, и тот поднялся и подошел к нему и сказал: "Добро пожаловать везиру, престарелому родителю! Поистине, твои деяния – деяния славного советчика, а устройство дел в руке всемилостивого, пресведущего".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Затем он сказал царедворцу: "Выйди сей же час и вели накрыть столы". И приказал призвать все войско, и солдаты явились и стали пить и есть. А потом Дау-альМакан сказал везирию Дандану: "Прикажи войскам стоять десять дней, чтобы я мог уединиться с тобою и ты мог бы рассказать мне о причине убийства моего отца".

И везирь последовал слову султана и сказал: "Это непременно будет!" А потом он вышел на середину лагеря и велел войскам стоять десять дней. И они исполнили его приказанье. И везирь дал им разрешение гулять и велел чтобы никто из прислуживающих не входил к царю для услуг в течение трех дней. И все люди стали молиться и пожелали Дау-аль-Макану вечной славы.

А после того везирь пришел к нему и рассказал о том, что было. И Дау-аль-Макан подождал до ночи и вошел к своей сестре Нузхат-аз-Заман и спросил ее: "Знаешь ты, почему убили моего отца, или не знаешь о причине этого, как это было?" И Нузхат-аз-Заман отвечала: "Я не знаю о причине этого".

И она велела повесить шелковую занавеску, а Дауаль-Макан сел по другую сторону от нее и приказал привести везирия Дандана. И когда тот явился, сказал ему: "Я хочу, чтобы ты подробно рассказал мне о причине убийства моего отца, царя Омара ибн ан-Нумана".

"Знай, о царь, – сказал везирь Дандан, – что, когда царь Омар ибн ан-Нуман воротился из своей поездки на охоту и ловлю и прибыл в город, он спросил о вас, но не нашел вас. И он понял, что вы отправились в паломничество, и огорчился из-за этого, и его гнев увеличился, и грудь стеснилась, и он провел полгода, расспрашивая о вас всех приходивших и уходивших, но никто не сказал ему о вас. И вот в один из дней мы были перед ним (а со дня вашего исчезновения прошел уже целый год), и вдруг явилась к нам старуха благочестивого вида, и с нею пять девушек, высокогрудых девственниц, подобных луне и облагающих красотой и прелестью, описать которую бессилён язык. И при совершенной своей красоте они читали Коран и знали философию и рассказы о древних. И эта старуха попросила разрешения войти к царю. И когда он позволил ей, она вошла и поцеловала землю меж ею рук (а я сидел рядом с царем).

И когда старуха вошла, царь приблизил ее к себе и увидел на ней слезы воздержной жизни и благочестия, и, усевшись, она обратилась к нему и сказала: "Знай, о царь, что со мною пять девушек, равных которым не владел ни один царь, ибо они разумны, красивы, прелестны и совершенны. Они читают Коран с его разночтениями и знают науки и рассказы о минувших народах. И вот они стоят перед тобою, служа тебе, о царь времени, а при испытании возвышается человек либо унижается. И покойный твой отец посмотрел на девушек, и их вид обрадовал его. "Каждая из вас, – сказал он им, – пусть расскажет мне, что знает из преданий об ушедших людях (и прежде бывших народах..."

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят девятая ночь

Когда же настала семьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан говорил царю Дау-аль-Макану: "И покойник, твой отец, посмотрел на девушек, и вид их обрадовал его, он сказал им: "Каждая из вас пусть расскажет мне что-нибудь из преданий об ушедших людях и прежде бывших народах". И одна из них выступила вперед, поцеловав перед ним землю, и сказала: "Знай, о царь, что воспитанному надлежит избегать лишних речей и украшаться добродетелями. Он должен исполнять предписания и сторониться великих грехов и быть в этом прилежным, как прилежен тот, кто погибнет, если будет уклоняться от этого. Основа вежества – благородные свойства. Знай, что главная основа земной жизни – стремление к вечной жизни, а цель жизни – поклонение Аллаху. И надлежит тебе быть добрым с людьми и не уклоняться от этого обычая, ибо людям величайшего сана больше всего нужна рассудительность. А царь в ней более нуждается, нежели чернь, так как чернь пускается в дела, не ведая о последствиях. Тебе следует жертвовать, на пути Аллаха, и твоей душой и твоим имуществом. И знай, что враг – это соперник, которого ты оспариваешь и можешь убедить при помощи доводов и остерегаешься его. А что до друга, то между ним и тобою нет судьбы, который бы рассудил вас, кроме доброго права. Выбирай для себя друга после того, как испытаете его, и если он принадлежит к братьям будущей жизни, пусть хранит и соблюдает внешность закона, зная его внутреннюю сущность по мере возможности. Если же он из братьев здешней жизни, то пусть будет свободен и правдив, не невежествен и не злобен. Ибо невежда заслуживает, чтобы от него убежали его родители. А лжец не будет другом, так как слово "садик" (друг) взято от "садык" (правда), а правда возникает в глубине сердца. Так как же может он изрекать ложь языком? Знай, что следование закону полезно для того, кто так поступает; люби же твоего друга, если он таков, и не порывай с ним. А если он проявит что-нибудь для тебя неприятное, то ведь он не жена, с которой можно развестись, а потом снова взять ее обратно, – нет, сердце его как стекло: если оно треснет, его не соединить. Аллаха достоин сказавший:

Охранять стремись от обид сердца ты друзей своих:

Возвратить их вновь, убегут когда, – затруднительно.

И поистине, коль уйдет любовь, то людей сердца

Точно стеклышко: раз сломается, уж не слить его.

И девушка сказала в конце своей речи, указывая на пас: "Люди разума говорили: "Лучшие друзья те, кто сильнее всех в добрых советах; лучшие из действий те, что прекраснее всех последствиями; и лучшая хвала та, что исходит из уст мужей". Сказано: не пристало рабу пренебрегать благодарением Аллаху особенно за две милости: здоровье и разум. Сказано также: кто чтит свою душу, для того ничтожны его страсти, а кто возвеличивает мелкие несчастья, того Аллах испытывает великими бедами. Кто повинуется страстям – губит права Аллаха, а кто слушает сплетника – губит друга. Если кто думает о тебе хорошо – оправдай его мнение. Кто далеко заходит в споре – грешит, а кто не остерегается несправедливостей, тому грозит меч". Вот я расскажу тебе кое-что о достоинствах судей. Зиви, царь, что присудить должное будет полезно только после установления вины. И надлежит судье ставить людей на должное им место, чтобы благородный не стремился обижать, а слабый не отчаивался в справедливости. И следует ему также возлагать доказательство на обвиняющего, а клятву – на отрицающего. Мировая допускается между мусульманами, кроме той мировой, которая дозволяет запретное или запрещает дозволенное. Если ты сегодня в чем-либо сомневаешься – обратись к своему разуму и различи в этом верный путь, чтобы возвратиться к истине. Истина – обязанность, возложенная на нас, и вернуться к истине лучше, чем упорствовать в ложном. А затем знай примеры из прошлого, разумея постановления и ставь тяжущихся перед собою на равном месте, и пусть останавливается твой взор на истине. Поручи свои дела Аллаху, великому и славному, и потребуй улики от обвинителя. И если улика явится, ты возьмешь для него должное, а иначе возьми клятву с обвиняемого: таков суд Аллаха. Принимай свидетельство правомочных мусульман друг против друга, ибо Аллах великий повелел судьям судить по внешности, а он сам заботится о тайном. И следует судье воздержаться от суда при сильной боли или голоде и стремиться, творя суд между людьми, к лику Аллаха возвышенного, ибо тот, чьи намерения чисты и кто в мире со своей душой, тому довольно Аллаха в делах с другими людьми.

Сказал аз-Зухри: "Три свойства, если они есть у судьи, требуют его устранения: почитание дурных, любовь к похвалам и нежелание отставки".

Омар ибн Абд-аль-Азиз отставил одного судью, и тот спросил его: "За что ты меня отставил?" – "До меня дошло о тебе, – сказал Омар, – что твои слова больше, чем твой сан".

Рассказывают, что дославный аль-Кскандер сказал своему судье: "Я назначил тебя на должность и поручил тебе этим мой дух, мою честь и мою доблесть. Охраняй же эту должность своей душой и разумом". А своему повару он сказал: "Тебе дана власть над моим телом, заботься же о нем, как о своей душе". И сказал он своему писцу: "Ты распоряжаешься моим умом, охраняй же меня в том, что ты за меня пишешь".

Потом первая девушка отошла и выступила вторая..."

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан говорил Дау-альМакану: "А затем отошла назад первая девушка и выступила вторая и поцеловала землю меж рук царя семь раз, а потом сказала:

"Говорил Лукман своему сыну: "Три рода людей узнаются лишь при трех обстоятельствах: не узнать кроткого иначе, как во гневе, ни доблестного иначе, как на войне, ни друга твоего иначе, как при нужде в нем".

Сказано: "Обидчик кается, если его и хвалят люди, а обиженный в мире, если его и порицают люди".

Сказал Аллах: "Не считай тех, кто радуется им дарованному и любит, чтобы их хвалили за то, чего они не делали, – не считай, что они в убежище от пытки, – им будет мучение болезненное".

Сказал пророк, – молитва и привет с ним: "Деяния судятся по намерениям, и всякому мужу будет то, на что он вознамерился". И еще сказал он, мир с ним: "Подлинно в теле есть кусочек, и если он хорош, хорошо и все тело, а если он испортится, портится и все тело. Так! И кусочек этот сердце. И диковиннее всего, что есть в человеке, – сердце его, ибо в нем руководство его дедами. И если в сердце подымется жадность – погубит человека желание. И если овладеет им печаль – убьет его грусть. А если велик будет его гнев – усилится его вспыльчивость. Если же оно счастливо удовлетворением – не опасен гнев человеку. И если сердце постигнет страх – человека заботит горесть. А если поразит его беда – на него нападает грусть. И если наживет он имущество – часто отвлекает оно его от поминания его господ. Если же он подавлен нуждой – его занимают заботы. Когда же мучает его грусть – он обессилен слабостью, и во всяком положении нет для него добра ни в чем, кроме поминания Аллаха и заботы о том, чтобы добыть средства для здешней жизни и устроить жизнь будущую".

Спросили одного мудреца: "Кто из людей в наихудшем положении?" И он отвечал: "Тот, в ком страсть одолела мужество и чьи помыслы удалились в высоты, так что его знания расширились, а оправдания уменьшились".

Как хорошо то, что сказал Кайс:

"И меньше других людей мне нужен назойливый,

Что мнит всех заблудшими, не зная и сам пути.

И деньги и качества займы лишь даны тебе;

Ведь то, что сокрыто в нас, мы все на себе несем.

И если, берясь за дело, в дверь ты не в ту войдешь,

Заблудишься, а войдя, где нужно, свой путь найдешь".

Потом девушка сказала: "Что же до рассказов о подвижниках, то Хишам ибн Бишр говорил: "Я спросил Омара ибн Убейда: "В чем истинное подвижничество?" И он отвечал мне: "Это изъяснил посланник божий, – да благословит его Аллах и да приветствует! – в словах своих: "Подвижник тот, кто не забывает о могиле и испытании и предпочитает вечное преходящему; кто не считает "завтра" в числе своих дней и относит себя к числу умерших".

Известно, что Абу-Зарр [138] говорил: "Бедность мне любезнее богатства, и болезнь мне любезнее, чем здоровье".

И сказал кто-то из слушавших: "Да помилует Аллах Абу-Зарра!" А я скажу: "Кто уповает на хороший выбор Аллаха великого, тот будет доволен положением, которое выбрал для него Аллах. Говорил кто-то из верных людей: "Ибн Абу-Ауфа совершал с нами утреннюю молитву и стал читать: "О, завернувший в плащ..." и, дойдя до слов его – велик он! – "и когда будет вострублено в трубу", он упал мертвый".

Говорят, что Сабит аль-Бунани так плакал, что его глаза едва не пропали, и к нему привели человека, чтобы лечить его. "Я буду его лечить с условием, чтобы он меня слушался", – сказал этот человек. И Сабит спросил: "А в чем?" – "В том, чтобы не плакать", – отвечал лекарь. И Сабит сказал: "А какой прок от моих глаз, если они не будут плакать?"

Один человек сказал Мухаммеду ибн Абд-Аллаху: "Дай мне наставление..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.